

Память нетленна!

Собирая материал в 80-х годах минувшего столетия об очевидцах трагедии в с. Червона Гута, я и не догадывался, а мне никто тогда и не сказал, что в Чернигове живет гутичанка, которая выжила во время карательной операции 23 февраля 1943 года.

А через 70 лет после той трагедии, 9 мая 2013 года, во время возложения венков на братскую могилу в с. Червона Гута, ко мне подошла женщина и сказала, что её семья осталась живой после расправы над жителями села. Немного позже, июльским днем, моим собеседником стала Валентина Ивановна Симак (Рудая) 1942 года рождения, и рассказала то, что запомнила о тех событиях от своей матери, Александры Ефимовны Рудой (Яковенко), 1903 года рождения.

"В августе 1941 года в нашем доме жил советский офицер, который сказал, что на Днепре будут большие бои. Надо сделать укрытие, можно использовать погреб в таком качестве. Но чтобы он был малозаметным, для этого необходимо убрать "пригребник", т.е. крышу с погреба, а сам погреб замаскировать. Отец и сделал так, как было сказано, и этим спас всем нам жизнь.

Во время немецкой оккупации фашисты боялись партизан, и в мужском населении им сплошь виделись партизаны. Моего отца пригласили в немецкую комендатуру, которая находилась в Любече, и там его допрашивали с пристрастием, точнее — избивали. Никаких доказательств не нашли и отпустили домой. Когда он пришёл домой, мама увидела, что всё тело его было синим от побоев...

23 февраля 1943 года мой отец Иван Евсеевич с односельчанами поехал на Днепропровские луга по сено. Брат мой Иван просился у матери поехать с отцом. Мать его не отпускала. Всё-таки он вырвался из рук мамы и догнал конный обоз около с. Комаровка. Возможно, предчувствие беды было и у него, что стало бы с ним, если бы он остался дома...

Через некоторое время в дом зашли два человека, которые хо-

дили по населённым пунктам и предлагали свои услуги, — клеили порванные резиновые галоши. Мама решила их покормить за выполненную работу, поставила на стол борщ, кашу и бутылку самогона. Во время приёма пищи в село приехали каратели на санях. Мать стала волноваться, ведь никогда не было так много незнакомых полицейских и немцев. Решила покормить корову, свинью и кур. Мама видела, как к дому старосты стали идти люди. Он разводит по сторонам руки, по таким жестам мама поняла, что он не знает, в честь чего приехали каратели в село (во время карательной акции он тоже будет убит и сожжен. — Авт.). Клейщики галош сказали маме, что у них имеются документы, и нам нечего бояться. Они также пошли к дому старосты. Моя сестра Люба стала говорить: "Что делать"? Мать сказала: "Надо идти к людям, что будет с ними, то и с нами". Сестра взяла меня на руки и пошла к месту сбора односельчан. Мать хотела ещё что-то сделать по дому и присоединиться к нам. Она через окно увидела, что каратели застрелили клейщиков галош. Решила, что надо немедленно вернуть детей домой. Выскочила из дома и наперерез бросилась бежать, чтобы догнать нас. Во время бега по ней стреляли, пули звенели, мама рассказывала, "как пчёлы". Чтобы ей было легче бежать по глубокому снегу, она скинула козушок, настигла нас и, вернувшись домой, мы спрятались в погреб.

Полиции и каратели вынесли улья из омшайника. Затем стали отделять людей, семьи местных полицейских поставили в сторону, так называемый "мостик". Они и остались живы. Остальных загнали в омшайник, закрыли дверь и подожгли. Некоторые односельчане спрятались на чердаках, погребках и в других местах, в случае обнаружения их убивали штыками или пулями. Дома и хозяйственные постройки предавали огню.

Наша свинья и корова бегали по двору, чувствуя людей в погребе, неоднократно подходили к нашему укрытию и своими копытами замели наши следы. Полиция нас так и не нашли. Мать хорошо запомнила слова: "Давид, иди сюда". По всей вероятности, полицай увидел оставленное угощение на столе, позвал напарника в дом, они выпили и закусили. Выйдя из дома, подожгли его. Когда горела крыша, то дым стлался по земле, и в погребе было очень тяжело дышать. Кроме того, от горения дома стала таять снег, и вода потекла в погреб. Пришлось маме со мной и сестре забраться на бочки, где были солёные огурцы и капуста. Так мы просидели в холоде и сырости до вечера. Когда каратели уехали из села, мы выбрались из укрытия и увидели отца с братом. Так из приблизительно 50-ти семей Красной Гуты наша семья была единственной, которая не пострадала во время карательной акции. С этого дня начались скитания по маминим сёстрам. Пришли в с. Воробьёво к сестре, а через два дня пришёл местный полицай

и сказал: "Семьям партизан не положено жить в нашем селе", — пришлось идти в Комаровку, а потом ещё и в Глядин. И так скитались до самого лета 1943 года. Хотя и родные люди, долго мы не могли у них жить, так как у пятерых сестёр тоже были дети, да и еды мало. Нас ведь надо было и накормить, и спать положить. Вернулись в родное село, выкопали землянку, в которой жили ещё некоторое время.

Мама с отцом и братом виделась редко, они были вынуждены прятаться от полицейских и карателей, так как мужчин считали партизанами. Если поймут, разговор в таких случаях был короткий — расстрел либо угон в Германию. После освобождения села Червона Гута Красной Армией отца и брата забрали на фронт. Отец был тяжело ранен в ногу. После лечения вернулся домой ко дню победы. А брат 27 декабря 1945 года был тяжело ранен в голову. Умер от этого ранения 3 февраля 1946 года и с воинскими почестями похоронен на Львовском кладбище. Хотя я его и не помню, но мне всегда хотелось увидеть могилу своего брата. Во время экскурсионной поездки во Львов я склонила голову над последним пристанищем человеческой жизни. Мысленно представила его короткий жизненный путь, он умер, так и не узнав семейной жизни".

Евгений АЛИМОВ,
директор краеведческого
музея г. Славутича
и Чернобыльской АЭС,
фото автора